

ДОКУМЕНТАЦИЯ О ЛЮДСКИХ ПОТЕРЯХ СИБИРСКИХ СТРЕЛКОВЫХ ПОЛКОВ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Приведен краткий обзор воинских соединений и частей, отправленных на фронт из Сибири. Подробно рассмотрены данные о людских потерях как сибирских корпусов и полков, так и русской армии в целом.

Ключевые слова: Сибирь, воинские части, Первая мировая война.

Первая мировая война занимает одно из ключевых мест в мировой и российской истории XX в. Одни её сражения предшествовали российским революциям 1917 г., другие совпали с ними по времени. Военные и революционные процессы и события в России были тесно взаимосвязаны. Изучение как Первой мировой войны, так и Февральской и Октябрьской революций 1917 г. еще очень далеко от завершения. Вводятся в научный оборот новые массивы источников, пересматриваются прежние концепции и схемы.

Объективное описание войн и сражений невозможно без рассмотрения данных о людских потерях. Трудно переоценить негативные последствия гибели на войне преимущественно молодых и здоровых мужчин для развития страны. Не стала исключением и Россия в Первой мировой войне. Причем встречаются весьма разные оценки военных потерь нашей страны.

По подсчетам Б.Ц. Урланиса, в Первой мировой войне русская армия потеряла 1 млн 200 тыс. убитыми, 240 тыс. умершими от ран, 11 тыс. – от газов, 155 тыс. – от болезней, 190 тыс. умершими в плену и 15 тыс. – от несчастных случаев, итого – 1 млн 811 тыс. человек [1. С. 381]. При этом Урланис особо упоминает недоучет убитых в картотеке Главного управления Генерального штаба, насчитывавшей 626 440 убитых [2. С. 31]. Другими словами, значительная часть пропавших без вести в действительности была убита, а не попала в плен. Учитывая, что русская армия насчитывала примерно 500 активно действующих полков 1-й и 2-й очереди, 1 500 убитых на полк и дают схожую с картотекой (626 тыс.) цифру (750 тыс.). Считать ее полной нельзя, потому что при соотношении убитых и пропавших без вести 1 к 5 оказавшихся в плену должно быть 3 млн 750 тыс. По германским и австро-венгерским данным, численность русских военнопленных составляла всего 2 млн 417 тыс. человек [1. С. 319; 3. С. 135]. Другими словами, на одного убитого по именованному списку полков приходится еще один убитый, записанный как пропавший без вести. Поэтому нельзя согласиться с А.А. Керсновским, что только «примерно третья часть сохранили свои имена», а остальные – неизвестные солдаты. Их имена и фамилии указаны среди пропавших без вести, места погребений же действительно никому не известны. Керсновский считает верными немецкие оценки русских потерь в 2,5 млн убитых, хотя сам многократно доказывал завышение германцами своих военных успехов.

Авторы исследования «Россия и СССР в войнах XX в.» во главе с генерал-полковником Г.В. Кривошеиным принимают все данные Б.Ц. Урланиса, но произвольно добавляют к ним графу – 439 369 «пропавших без вести (считающихся умершими или погибшими).

«Цифра получена расчетным способом: число пропавших без вести – 228 838 (по данным 1925 г.) для приведения его в соответствие с новым масштабом исчисленных потерь помножено на коэффициент кратности (1,92)» [4. С. 100]. Вряд ли это правомерно, поскольку убитые среди «пропавших без вести» уже учтены Урланисом в его подсчетах.

Известный военный теоретик генерал Н.Н. Головин в 1931 и 1939 гг. определил потери русской армии в Первой мировой войне в 1 млн 300 тыс. убитых и 350 тыс. умерших от ран [3. С. 137]. Это практически совпадает с более поздними (1960 г.) оценками Урланиса, несмотря на предвзятую критику советским демографом выкладок царского генерала. А ведь профессор и крупный штабист, чья кандидатура рассматривалась осенью 1916 г. на пост начальника штаба Верховного главнокомандующего, а весной 1917 г. – начальника Академии Генерального штаба, Н.Н. Головин лучше всех знал «кухню» русской боевой документации. Цифры Урланиса подтверждаются и данными выборочных исследований сельского населения Украины и Дона (соответственно 1,33 и 1,21% убитых и пропавших без вести в Первой мировой войне от опрошенного населения) [5. С. 58]. Таким образом, безвозвратные потери русской армии составили от 1 млн 650 тыс. до 1 млн 811 тыс. человек.

Показательно, что и простые жители Сибири проводили характерные сопоставления. Жители с. Грузновка Жигаловского района Иркутской области Афанасий Константинович Грязнухин, 1904 г. рождения, и его брат Павел, 1910 г., отмечали в 1973 г. о Первой мировой войне: «Война тогда вроде легче была. Человек 30 у нас забрали, а 2 только убили: Ионыча Грузных и Алексея Курченко» [6. Л. 83]. Так, народная память безошибочно сравнила тяжесть мировых войн для России. В Первой мировой войне на 30 призванных 2 убитых, во Второй мировой войне – ровно в 10 раз больше. Например, из д. Казимирова на Лене во Второй мировой войне на 24 хозяйства призваны на фронт 30 мужчин, из них 21 погиб [7. С. 8]; с. Невон на Ангаре – 75 человек, из них погибли 35; с. Плотниково Новосибирского района – из 93 трудоспособных мужчин убиты 46 [8. С. 85]. От сравнения вернемся к 1914 г.

После начала Первой мировой войны из Сибири на фронт было отправлено 6 сибирских армейских корпусов, или 14 сибирских стрелковых дивизий. В отличие от большинства русских армейских корпусов их бойцы именовались не пехотинцами, а сибирскими стрелками. Еще один корпус (7-й Сибирский) и 9 дивизий (с 15-й по 22-ю сибирские), а также Сводная сибирская были сформированы уже в действующей армии. Корпус образован летом 1915 г., а 9 этих дивизии 4-й очереди – в

конце 1916 г. – начале 1917 г. Для этого 4-батальонные полки переходили на 3-батальонный штат, а освобожденные батальоны сводились в полки с добавлением пополнений. При этом по две дивизии 4-й очереди сформированы при 3-м и 7-м сибирских корпусах, по одной – при остальных: 1, 2, 4, 5, 6-м.

Кроме пехотных, гвардейских, гренадерских дивизий и перечисленных Сибирских стрелковых дивизий, в 1914 г. в русской пехоте были бригады, позднее ставшие дивизиями: стрелковые, Туркестанские стрелковые, Финляндские стрелковые, Кавказские стрелковые. По данным Главного штаба, стрелковые дивизии и бригады потеряли за время войны по 2 263 человека убитыми, тогда как пехотные – по 3 473, а гвардейские – по 3 500 человека. Еще больше разница по пленным и пропавшим без вести – у стрелков – по 8 436, у пехотинцев – по 22 433, у гвардейцев – по 4 707, но цифры раненых очень близки – соответственно по 12 639, 13 539 и 15 081 человек. Таким образом, по боевой устремленности стрелки превосходили армейскую пехоту, но уступали гвардии [2. С. 36]. Многочисленны самые лестные отзывы о сибирских стрелках.

Поясним и структуру русского армейского корпуса. В 1914–1915 гг. она включала управления (инспектора артиллерии, корпусного инженера, корпусного интенданта, корпусного казначея, врача, ветеринара) и штаб корпуса (39 офицеров, врачей, классных чиновников – 228 строевых и нестроевых нижних чинов); две пехотные или стрелковые дивизии, в каждой из которых: управление и штаб дивизии (соответственно 9 офицеров – 125 нижних чинов), четыре пехотных или стрелковых полка (по 88–4 245), артиллерийская бригада (44–1 399), парковая артиллерийская бригада (22–1 155), дивизионный обоз (10–307), перевязочный отряд (6–285), лазареты № 1 и 2 (по 9–111), корпусные части (164–5 855). Части корпусного подчинения включали второочередной казачий полк (29–960), отдельную казачью сотню (2–149), мортирный артиллерийский дивизион (22–678), парковый мортирный дивизион (17–495), авиазвено (10–144), саперный батальон (38–1 565), продовольственный транспорт (12–637), расходный гурт (1–34), три хлебопекарни (по 3–345), полевую почтовую контору (7–20), полевое телеграфное отделение (5–9), санитарно-гигиенический отряд (2–15), санитарный полутранспорт (4–78), этапно-ветеринарный лазарет (3–18). Итого по штатам 1914–1915 гг. русский корпус насчитывал 886 офицеров, 120 врачей, 121 классного чиновника, 40 099 строевых и 6 960 нестроевых нижних чинов [9. С. 133]. Во всех армиях Первой мировой войны небоевая часть (обозы, тылы) корпуса поглощала до трети личного состава.

В 1916–1917 гг. структура существенно изменилась: русский корпус стал трехдивизионным; при штабах корпуса и всех дивизий появилось по военно-полицейской роте (2–204) и по команде сбора оружия (1–90); в дивизиях – по ударному батальону (13–1 136); саперный батальон 28 ноября 1916 г. заменил инженерный полк и т.д. Численность корпуса выросла: 1 248 офицеров, 147 врачей, 195 чиновников, 52 015 строевых и 16 062 нестроевых солдата. Эти цифры нам еще понадобятся для сравнения.

Дивизии 2, 3 и 7-го сибирских корпусов отправились на фронт Первой мировой войны из Иркутского

военного округа, который включал территорию Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Номера русских полков были кратны номеру дивизии. Например, 7-я Сибирская стрелковая дивизия состояла из 25, 26, 27 и 28-го сибирских стрелковых полков.

Какую же статистику людских потерь в Первой мировой войне содержат документы Сибирских частей и соединений? Какие разновидности документации сохраняются в отечественных архивах, какую дополнительную информацию из них можно получить?

Рассмотрим три вида документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА): именные списки потерь нижних чинов по полкам, журналы военных действий корпусов и альбомы могил корпусов. Все эти источники были проработаны автором данной статьи в рамках исследования боевого пути 2, 3 и 7-го Сибирских армейских корпусов, чьи дивизии вышли из Иркутского военного округа. Все документы имеют отдельные пробелы, но примерный порядок боевых потерь, безусловно, дают, а также позволяют установить интенсивность, даты и места боев.

28 июля 1914 г. при Главном штабе образовано «Особое делопроизводство по сбору и регистрации сведений о выбывших за смертью или за ранами, а также без вести пропавших воинских чинах, действующих против неприятельских армий». В 1918 г. дела и картотеки Особого делопроизводства были переданы в учрежденное в составе народного комиссариата по военным и морским делам «Бюро по учету потерь на фронтах в мировую войну 1914–1918 гг.». В настоящее время в РГВИА есть именные списки потерь солдат практически всех сибирских стрелковых полков 1-й и 2-й очереди, от 1-го до 56-го, отсутствуют данные по 2, 19, 25, 26 и 53-му полкам. То есть из 56 полков не выявлено данных по 5. Что же касается полков 4-й очереди, то в одно дело сшиты списки потерь 57, 58, 60, 63, 69, 70, 71, 72, 85, 86, 87 и 88-го сибирских полков. Итого из 36 полков формирования 1917 г. сохранились списки потерь 12 полков, или ровно трети этих частей. Полностью есть данные о потерях полков 18-й и 22-й сибирских дивизий, частично 15-й и 16-й.

Автором статьи были максимально тщательно проанализированы списки потерь нижних чинов полков, выставленных в Первую мировую войну Иркутским военным округом: 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52-го сибирских полков. Итого изучены списки 21 сибирского полка из 6 сибирских дивизий: 4, 5, 7, 8, 12 и 13-й.

Списки составлялись от руки или реже на пишущей машинке в табличной форме. Таблицы содержат следующие графы: «Фамилия», «Имя», «Отчество», «Звание», «Уроженец» (губерния, уезд, волость, селение), «Вероисповедание», «Семейное положение», «Действительной службы или из запаса» (иногда), «Где (у какого населенного пункта) и какого числа был убит или ранен».

Каждый список состоит из нескольких разделов, различающихся датами составления. Обычно последнюю дату гибели или ранения солдат и дату составления списков разделяет от недели до месяца, значительно реже – до двух месяцев. Под каждым разделом – под

писи типа или «командир полка полковник Аляшиков» (Афанасьев, Амосов, Басов, Гембицкий, Изергин, Кекушев, Кужовский, Малишевский, Михайлов, Николаев, Панченко, Полешаев, Романовский, Трёмбовский, Тышецкий), или «командующий полком полковник Лисовский» (Лувен, капитан Прокопченко, подполковник Чичевский, генерал-майор Иванов), или «временно командующий полком подполковник Брандт» (Зиневич, Корсак, Максимов, полковник Донченко, Лачинов, Петров, Шаравский, Яковлев), или «за командира полка капитан Лосев» (штабс-капитан Васильев, полковник Курчевский, Саванов, Фелицын). Пересчитанная автором статьи сводная статистика именных списков потерь приведена в табл. 1 [10. Д. 761, 769, 776, 783, 803–819]. Пункт, где проводилось развертывание полка по мобилизации, установлен по другим источникам [11].

Хорошо видно, что хронологическая полнота списков различна. Налицо существенная разница потерь полков внутри одной дивизии. Самые фрагментарные списки оказались у 30-го Сибирского полка, которые, судя по всему, касаются только недавно прибывших «на укомплектование» его из запасных полков и дружин государственного ополчения. Список потерь 31-го Сибирского полка содержит дополнительную графу: где преданы земле убитые, куда и в какое лечебное заведение направлены раненые. Убитые стрелки были «преданы земле на позиции». В списках 48-го Сибирского полка раздел «дезертиры (самовольно отлучившиеся)» из 306 имен и фамилий. В списке 20-го Сибирского полка за август 1917 г. примечание: «Ввиду утери во время отступления от города Рига некоторыми ротами именных сословных книг подробными сведениями заполнить все графы не представляется возможным» [10. Д. 769. Л. 382].

Таблица 1

№ Сиб. стр. полка	Пункт мобилизации полка	Крайние даты (число/месяц/год) по старому стилю	Убиты и умерли от ран	Ранены	Конужжены	Пропали без вести	Остались на поле сражения	Всего потерь
13-й	Песчанка	1/II/15 – 1/IV/15; 4/VII/15 – 1/VIII/15	286	1 353	50	1 523	226	3 438
14-й	Песчанка	21/XII/14 – 1/II/15; 1/VII/15 – 1/VIII/15	206	1 844	19	1 735	20	3 824
15-й	Среденск	1/XI/14 – 25/X/15	883	3 970	13	4 651	–	9 517
16-й	Среденск	1/XII/14 – 22/VII/15	968	3 854	24	2 189	3	7 035
17-й	Березовка	3/XI/14 – 15/X/17	1 439	6 610	349	5 172	–	13 570
18-й	Березовка	27/IX/14 – 31/III/16	947	4 305	94	4 063	–	9 409
20-й	Троицкосавск	3/XI/14 – 1/IX/17	848	4 933	134	5 092	241	11 248
27-й	Иркутск	31/VIII/14; 16–20/III/16; 25/VI/16	256	42	–	146	–	444
28-й	Иркутск	31/VIII/14 – 31/X/15	1 267	3 073	275	2 717	–	7 332
29-й	Ачинск	14/IX/14 – 20/VII/17	1 208	4 499	167	4 953	–	10 827
30-й	Красноярск	2/IX/15; 1/X/16 – 15/II/17	22	162	–	51	–	235
31-й	Красноярск	1/VIII/14 – 1/III/17	1 078	3 544	100	1 781	–	6 503
32-й	Канск	14/IX/14 – 16/II/17	1 077	5 428	68	3 286	–	9 859
45-й	Иркутск	29/X/14 – 1/II/17	1 551	5 095	–	4 564	–	11 210
46-й	Иркутск	19/X/14 – 31/III/17	1 145	4 697	53	4 621	–	10 516
47-й	Иркутск	21/X/14 – 1/IV/17	1 354	5 077	–	6 699	–	13 130
48-й	Иркутск	20/X/14 – 1/III/17	1 207	5 015	–	4 830	–	11 052
49-й	Ачинск	5/X/14 – 9/VII/16	497	3 370	2	982	5 033	9 884
50-й	Красноярск	5/X/14 – 1/XII/17	935	7 894	358	1 380	5 475	16 042
51-й	Красноярск	8/X/14 – 18/VII/17	907	6 999	797	581	5 551	14 835
52-й	Канск	5/X/14 – 14/XI/17	1 272	6 673	276	4 920	2 575	15 716

Таким образом, наиболее полные данные оказались у четырех полков: 17, 50, 51 и 52-го. Каждый из них потерял от 14 500 до 16 000 человек, при штате 4 245 нижних чинов. Из них до 1 500 убиты, а 7 500 пропали без вести, т.е. соотношение 1 убитый на 5 пропавших без вести. Таким образом, общая убыль составила 4 полных состава, и к середине 1917 г. на фронтовых позициях стоял уже 5-й личный состав. Эти данные мало отличаются от утверждения А.А. Керсновского, что «шесть составов переменяла вообще вся пехота. Но добрая треть наших дивизий 1-й и 2-й очереди, особенно дравшиеся на Юго-Западном фронте, переменяли за войну состав 10 раз и более» [12. С. 248]. Обезжая войска осенью 1916 г., император Николай II вызывал из строя солдат, вышедших с полком на войну. Выходило 2-3, редко по 5 на роту – из иных рот никто не выходил.

Какие еще сведения содержат именные списки потерь? Четко видно, что доля уроженцев Сибири в рядах

Сибирских армейских корпусов и Сибирских стрелковых дивизий была наибольшей осенью 1914 г., сразу после мобилизации. Из отчетов об осмотрах маршевых рот следует, что какой-либо системы в последующих пополнениях не было. Призывники из сибирских губерний пополняли обычные пехотные части, и, наоборот, уроженцы Европейской России становись бойцами Сибирских стрелковых полков. Не выявлено четкого соответствия ни между запасными бригадами и губерниями призыва личного состава, ни между запасными полками и частями действующей армии. Как следствие, если в конце 1914 г. Сибирские части были отмечены как наиболее стойкие, то в конце 1916 г. именно в них происходят первые антивоенные выступления.

По этому поводу генерал Н.Н. Головин указывал: «Раненые, как правило, не возвращались в свои части... Дух части понижала взаимная “чуждость” начальников и подчиненных. Сухомлинов (военный министр 1909–

1915 гг.) и его сотрудники понимали идеи укомплектования очень узко, если можно так выразиться, материалистично, только в смысле ускорения мобилизации» [13. С. 26]. Не учитывалась духовная составляющая территориальной системы комплектования. Другой русский генерал В.М. Драгомиров указывал, что до 1911 г. при каждом полку формировался запасной батальон, для чего из войск выделялось небольшое число офицеров и солдат. Затем число запасных батальонов было уменьшено, они стали считаться общеармейским достоянием. Укомплектования посылались из разных тыловых батальонов в различные фронтные части [14. С. 211].

Исследователь А. Смирнов подчеркивает, что «Первая мировая война еще раз показала, что боевые качества войск зависят не только от уровня их выучки, но и от особенностей тех или иных групп населения, а также от армейских традиций части. Так, среди солдат русской пехоты явственно выделялись сибиряки. В 1914 – начале 1915 г. солдаты-сибиряки еще были сконцентрированы в Сибирских стрелковых дивизиях, но в дальнейшем и в них, и в других соединениях служили уроженцы как Сибири, так и остальной «Расеи» [15. С. 22–23].

Проиллюстрируем приведенные оценки. Например, в 17-м Сибирском полку среди 119 убитых в районе Лодзи с 3 по 24 ноября 1914 г. до половины – уроженцы Иркутской губернии, остальные – Енисейской губернии и Забайкальской области; в 18-м Сибирском полку из 116 убитых с 27 сентября по 17 ноября 1914 г. половина – уроженцы

Енисейской губернии, остальные – Черниговской, Полтавской, Люблинской и др. [10. Д. 766. Л. 1; Д. 768. Л. 1].

В потерях 47-го Сибирского полка в октябре 1914 г. – январе 1915 г. преобладали уроженцы Томской губернии.

Распределение потерь этого полка по периодам войны показано в табл. 2 [10. Д. 806; 807].

5 октября 1914 г. под Варшавой у д. Езерно Оборская убиты 17 солдат 50-го Сибирского полка.

Из них двое из Ялуторовского уезда, Бобылевской волости; один – из Петропавловской волости, д. Морево; один – из Архангельской волости, с. Денисовского; один – из Тюкалинского уезда, Корниловской волости, д. Станкевской; шестеро – из Уфимской губернии, Бирского уезда; двое – из Минусинского уезда; трое – из Пермской губернии, Екатеринбургского уезда, первые два – из Сысетской волости и завода, третий – из Коневской волости, д. Игиш; один – из Екатеринославской губернии, Александровского уезда, с. Гуляй-поле [10. Д. 812. Л. 20].

В феврале 1915 г. среди убитых солдат 45-го Сибирского полка уроженцы практически всех губерний России, у 16-го Сибирского полка сибиряков не более 10%. Весной 1915 г. среди 151 погибшего бойца 48-го Сибирского полка преобладали барнаульцы, минусинцы, пермяки.

В потерях 32-го Сибирского полка в июне–сентябре 1915 г. енисейцев с небольшим «вкраплением» Томичей примерно треть.

Таблица 2

Дата и место потерь, из них в основном		Убиты	Ранены	Пропали без вести	Всего
21/X–3/XII/14 г. при обороне д. Вимак, на границе Венгрии при отступлении		–	–	79	79
17/X–31/XII/14 г., при д. Воля Ватиня, пограничной таможи, при атаке д. Бережница		139	514	1 262	1 915
1/I–2/II/15 г., 18/I у д. Вагрынец, 19 – при д. Шемес, 21 – у д. Альзомельз, д. Маруси, 23 – у д. Мирошка, 27 – на сопке Козий, 28 – на высотах 514, Черная гора, 622, 662, 28 – у д. Юрка-Вышня, 30 – у д. Процьско, 31 – у д. Мессы, д. Грбовица, д. Мециско		67	284	797	1 148
2–14/II/15 г., на высоте 601, у д. Грбовицы		4	55	13	72
14/II–1/III/15 г., в тех же местах		7	49	–	56
1–12/III/15 г., 7 – у д. Рона пограничная, на высотах 586, 433, 487, 9 – у д. Чернина		66	320	67	453
12/III–1/IV/15 г.		40	175	–	215
1–21/IV/15 г., 16/IV – на высотах от 402 до 445		8	25	9	42
22/IV–8/V/15 г., 26–27 – у ст. Заршин, с. Беско, р. Вислок, 4–5 – у с. Сурахов		37	164	3 002	3 203
8–20/V/15 г., 11 – у д. Цетула, 19 – на Панской горе у Любачевки		14	352	773	1 139
5–13/VI 15 г., у д. Кики, г. Митава при разведке у Тукумского шоссе		30	75	–	105
13–31/VII/15 г. у корчмы Горозин, у д. Зуте, у имения Мызацятаф		4	59	162	225
1–31/VIII/15 г. при д. Карум, д. Шубиной, у г. Шлок, корчмы Гарозен		22	119	119	260
6–7/IX/15 г.		–	3	–	3
1–30/IX/15 г. при реке Аа, д. Слимпе, при разведке		–	38	3	41
1–31/X/15 г. при реке Экау погр., у жд. моста левее станции Гароз, при д. Плоканово пограничной, у реки Мисс, у м. Меллети		10	53	67	–
1–30/XI/15 г. у м. Меллирей, при д. Вейс		2	19	3	24
1–31/XII/15 г. на 14-й группе		1	4	–	5
1–31/I/16 г. у м. Меллирей		1	10	–	11
1–29/II/16 г. при 14-й и 15-й группе Рижского района		3	4	–	7
1–31/III/16 г.		6	15	–	21
1–30/IV/16 г.		1	7	–	8
1/V–27/VII/16 г.		2	1	–	3
1/VII–31/XII/16 г.	3/VII у мызы Франц	318	942	191	2 805
	6/IX, 9, 20–21/X высота 350, д. Славентин (убитые погребены в мызы Скуйнек)	394	570		
	18–22/X высота 471–419	–	390		
1/I – 1/III/17 г., 12/I, 20, 27–28/II – высота 417, 419 (высоте Средней, высоте Безмянной) (убитые похоронены у д. Славентин)		136	658	152	946
1/III–1/IV/17 г., 2/III – у д. Славентин		42	172	–	214
Итого		1 354	5 077	6 699	13 130

В потерях 32-го Сибирского на оз. Нарочь 8–16 марта 1916 г. половину составляли уроженцы Тобольской и Томской губерний, среди оставшихся – Вятской, Акмолинской и др. [10. Д. 765. Л. 84; Д. 783. Л. 62; Д. 803]. В 48-м Сибирском полку среди убитых 3–9 июля 1916 г. уроженцев Оренбургской губернии – 5 человек (все татары или башкиры), Уфимской – 4, Казанской, Пермской и Тобольской – 1.

В 17-м Сибирском полку в январе 1917 г. 7 солдат были ранены (ни одного сибиряка) и 3 убиты: Васюков Павел Иванович, Новгородской губернии, Белозерского уезда, Актушинской волости; Смирнов Яков Степанович, Вятской губернии, Яранского уезда, Пиштакской волости; Тасс Юганес, Эстляндской губернии, Вахлебской волости. В том же полку летом 1917 г. 1 убитый – уроженец Курской губернии, а среди 19 раненых не было ни одного сибиряка. 29-й Сибирский полк с 1 мая по 1 ноября 1917 г. потерял 3 солдат убитыми: Стрелок 8-й роты Калинин Гавриил Иванович, холост, Ярославской губернии и уезда, Курбской волости, д. Есемоно, убит в окопе под козырьком осколком неприятельского снаряда 22 июля у местечка Кореличи. Стрелок 9-й роты Зарва Федор Наумович, женат, Томской губернии, Барнаульского уезда, Ново-Покровской волости; С. Востров покончил жизнь самоубийством из винтовки в ночь на 13 сентября в д. Луки. Курочкин Яков из команды сбора оружия (Самарской губернии, Бугурусланского уезда, Емантаевской волости, д. Игиш) убит от неосторожного обращения с неприятельским снарядом 27 августа у фольварка Нерашево [10. Д. 779. Л. 823].

По числу пропавших без вести выделяются: в 29-м Сибирском полку – сентябрь 1914 г. (993 человека) и январь 1915 г. (1 182); в 20-м Сибирском – ноябрь 1914 г. (1 469), июль 1915 г. (1 453), март 1916 г. (1 261); в 18-м Сибирском – ноябрь–декабрь 1914 г. (1 152); в 28-м Сибирском – январь–февраль (989) и август (749) 1915 г.; в 45-м Сибирском – апрель 1915 г. (1 501), в 46-м Сибирском – ноябрь–декабрь 1914 г. (779), февраль (741) и апрель (2151) 1915 г.; в 48-м Сибирском – апрель 1915 г. (2 401); в 49-м Сибирском – апрель (2 619) и июль (998) 1915 г.; в 50-м Сибирском – ноябрь 1914 г. (1 499) и май 1915 г. (1 720); в 51-м Сибирском – конец апреля – начало мая 1915 г. (2 478); в 52-м Сибирском – май (1 688) и июль (1 203) 1915 г.; в 14-м Сибирском – летние месяцы 1915 г. (1 733); в 17-м Сибирском – март 1917 г. (2 032). В 28-м Сибирском полку 6 мая 1915 г. у фольварка Сувалки Новые 96 стрелков добровольно ушли в плен.

3 февраля 1917 г. русское командование предписало в сведениях о потерях указывать национальность перебежчиков на сторону противника [16. Д. 359. Л. 16]. В этой связи уместно привести наблюдение историка В. Булдакова: если допустить, что среди «пропавших без вести» скрывается определенный процент дезертиров и перебежчиков, то в этом отношении самое неблагоприятное положение у католиков (поляков) и иудеев, самое благоприятное – у мусульман [17. С. 30]. Некоторые пророссийски настроенные польские политики допускали, что к середине 1917 г. «в бегах» из русской армии числились до 200 тыс. поляков.

Списки потерь Сибирских полков подтверждают, что среди перебежчиков к противнику преобладали уроженцы западных губерний Российской империи. Из 20-го Сибирского полка в январе 1916 г. перебежали к немцам уроженец Ковенской губернии, Вилькомирского уезда, Роговской волости Урбан Иустин Матвеевич и уроженец Уфимской губернии, Мензелинского уезда, Ахметской волости Оспенников Яков Федорович. Из 48-го Сибирского полка в январе 1916 г. дезертировали 5 бойцов: стрелки Серебро Соломон Моисеевич, Витебской губернии, Режицкого уезда, запасный; Даутов Насретдин Магомет, Уфимской губернии, Бирского уезда, Кизганбашевской волости, запасный; Якубовский Владислав Осипович, г. Варшавы, срочной службы; младший унтер-офицер Дацко Иосиф Иванович, Люблинской губернии, Александровского уезда, Щекаровской волости, срочной службы; старший унтер-офицер Гонц Иван Лаврентьевич, Люблинского уезда, Ястковской волости, срочной службы.

Завершив рассмотрение полковых списков потерь, нельзя не сказать о процедуре извещения родных о судьбе солдат. Именно полки сообщали о гибели и пропаже без вести. В начале войны извещения заполнялись на хорошо типографски отпечатанной бумаге и подписывались, как правило, командирами полков. С усилением потока «похоронок» они стали заполняться и на почтовых открытках, в госпиталях, священнослужителями. Похоронные извещения сообщались под расписку родителям сельскими старостами и возвращались в волостное правление [18. С. 114]. Эти документы сохраняются в соответствующих фондах региональных архивов [19. С. 69].

В действующей армии офицерами Генерального штаба ежедневно в штабе каждого корпуса, дивизии, отряда, отдельной военной части заполнялись журналы военных действий. Такие журналы служат одним из ключевых источников для исторического описания войн и сражений, но информация о потерях встречается не во всех. Например, журналы военных действий 2-го Сибирского армейского корпуса сохранились с 31 октября 1914 г. по 8 марта 1918 г., а записи о потерях есть только за 10 дней 1917 г. [20. Д. 218–237]. Совершенно нет записей в журналах военных действий 7-го Сибирского армейского корпуса [21].

Напротив, журналы 3-го Сибирского армейского корпуса заполнялись с 27 августа 1914 г. по 31 августа 1917 г., а с 14 апреля 1915 г. в них появились регулярные, без пропусков, записи о суточных потерях. По этим неполным данным потери корпуса среди нижних чинов составили: 7 043 – убиты, 25 191 – ранен и контужен, 10 209 – пропали без вести, 309 – контужены, 1 – перебежал к немцам, 2 – обморожены, 7 – отравлены газом, 42 – дезертировали (один 1 января 1917 г., остальные с 2 апреля 1917 г.). Учитывая еще и записи выбывших без разделения на убитых, раненых и пропавших в 14 765 человек, получим общие потери 3-го Сибирского армейского корпуса в 57 559 человек [15. Д. 336–362]. Наиболее кровопролитными (более 100 убитых в сутки) для этого соединения были 17–20 сентября и 12 декабря 1914 г., 16–17 апреля, ночь на 22 апреля, 2–6 мая, 9 июля 1915 г., 9–10 марта 1916 г.

В большинство дней 1916–1917 гг. потери составляли 1–2 раненых.

Нельзя не затронуть и важную тему воинских захоронений. Приказ армиям Юго-Западного фронта № 89 от 10 сентября 1917 г. предписал принять к неуклонному исполнению «Наставление о порядке погребения убитых на полях сражений и оздоровления этих полей» за подписью начальника санитарной части тайного советника Белорецкого. В «Наставлении» указывалось следующее: после боя убитые немедленно предаются земле; общее наблюдение за этим – обязанность корпусного коменданта, распоряжающегося нарядом команд от частей войск; тела убитых подбираются и укладываются группами (офицеры, нижние чины, и те и другие, по возможности, по полкам); «тела неприятельские укладываются отдельно от своих; по сосредоточении всех тел начальники команд осматривают тела для удостоверения личности каждого умершего и заносят имена, отчества и фамилии опознанных убитых с обозначением войсковой части в ведомости, которые представляются после погребения корпусному коменданту; при невозможности опознать убитого в ведомость заносится только наименование части; тела умерших на перевязочных пунктах также выносятся для общего погребения после сражения» [22].

Также предписывалось для погребения выбирать места на значительном расстоянии от жилищ, колодцев и берегов рек, сухие, по возможности, песчаные, избегая крутых склонов. В каждой из братских могил число погребенных не должно превышать 100. На убитом оставляли мундир или шинель, шаровары, рубаху, сапоги. Тела должны быть покрыты слоем земли не менее 1½ аршин, т.е. 107 см. По засыпке могилы земля, по возможности, должна была трамбоваться, а над могилой делалась насыпь вышиной не менее ¼ аршина, или 53 см. На поверхности насыпи полагалось ставить кресты с надписями о числе погребенных и, по возможности, частей войск, дабы впоследствии иметь возможность воздвигнуть на могилах памятники.

В фонде 2-го Сибирского корпуса в РГВИА есть несколько альбомов могил, вероятно, принадлежавших «Делопроизводству по сбору военно-исторических документов штаба 12-й армии», но подписанных корпусным топографом штабс-капитаном Абросимовым. Альбомы состоят из машинописных ведомостей с двумя графами: 1) местонахождение; 2) надмогильные надписи или имеющиеся сведения о войсковой части и фамилиях погребенных, в каком виде сохранилась могила. В некоторых альбомах есть карты большого масштаба с обозначением точного места, а также фотографии. Например, «на братском кладбище 250 саженой северо-западнее лесничества Берзинг. 13-го Сибирского полка стрелки Трофим Шматков, Прокопий Скунцев, Иван Зейдринков, Пимен Перельгин, Григорий Крашников, Марк Доличин, Иван Олшинковский, Тимофей Виноградов, Петр Плотников, Петр Разумов, Яков Борицкий, Фомин Гнинюк, ефрейтор Петр Петухов, Кузьма Микрюков» [20. Д. 671. Л. 2].

На прилагаемой фотографии видна ограда из штакетника. На других снимках холмики, кресты из брусков, деревянные таблички, ограды: штакетник или заостренные столбы с 3 рядами колючей проволоки. «У двора Брекки. 17-го Сибирского полка стрелок 1-й роты Антон Бартошко. Могила в сохранности. На кресте надпись “Спи твердым сном верный сын Отечества. Ты погиб геройской смертью в стычке с врагом. Эта смерть открыла тебе врата к вечному пребыванию в лоне Авраамова. Земля да будет тебе пухом”» [20. Д. 670. Л. 1] и т.д.

Мы начали статью с характеристики общих потерь русской армии. Каковы же потери её противников? Германия на всех фронтах убитыми и умершими потеряла 2 млн 37 тыс. человек, Австро-Венгрия – 1 млн 100 тыс., Турция – 8 млн 4 тыс., Болгария – 88 тыс. По осторожным оценкам, от русского оружия погибло 317 100 германцев, более 450 тыс. австрийцев и венгров, свыше 150 тыс. турок [1. С. 150, 164, 392]. Итого не менее чем 917 тыс. убитых врагов на 1 млн 200 тыс. убитых в бою бойцов русской армии. На Западном фронте (во Франции) соотношение потерь немцев и Антанты – также 3 к 4. На Западном фронте немцы потеряли убитыми и пропавшими без вести 1 214 100 человек. Потери немцев на Западе и Востоке соотносятся как 3,83 к 1. По другим оценкам, Германия на русском фронте потеряла 173 800 убитыми и умершими от ран, 3 907 – от болезней, 143 318 – пропавшими без вести; Австро-Венгрия в войне против России и Румынии – 311 678 убитыми, 1 194 147 пропавшими без вести [23. С. 54–55]. При этом к 1 сентября 1917 г. русская армия пленила 1 736 764 солдат и офицеров австро-венгерской армии, 159 390 – германской, 64 509 – турецкой и 670 – болгарской [2. С. 41]. Итого к этому времени Россия захватила почти 2 млн военнопленных и 3 850 трофейных орудий, соответственно в 6 раз и 2,5 раза превзойдя соответствующие достижения остальных стран Антанты, вместе взятых.

Какой главный вывод можно сделать? Жестокая критика русских генералов Первой мировой войны стала почти общепринятой. Особо беспощаден А.А. Керсновский, написавший: «Русского полководчества не существовало. Русской армии не хватало головы». «Самоотверженная, как никогда еще в предыдущие войны, боевая работа войск им (высшим командованием) профанировалась и пропадала даром. Наши победы были победами батальонных командиров. Наши поражения были поражениями главнокомандовавших» [12. С. 176].

С другой стороны, все вышеприведенные сведения вынуждают с уважением и вниманием отнестись и к наблюдениям офицера-артиллериста Е.Э. Месснера: «В Действующей армии старались быть человечными к офицеру и солдату, учитывая условия войны, требовавшие сверхчеловеческих сил. Мы не смогли отказаться от обычного в императорской армии уклада жизни в гарнизонах и на фронте, и от любви к человеку. Нет сомнения, что мы бы удачнее разыграли бы войну, будь мы во всех отношениях бесчеловечнее» [24. С. 34].

ЛИТЕРАТУРА

1. Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб.: Полигон, 1994.
2. Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925.
3. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М.: Кучково поле, 2001.
4. Россия и СССР в войнах XX века: Статист. исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
5. Бернштам М. Стороны в Гражданской войне 1917–22 гг. М., 1992.
6. Архив лаборатории Истории Сибири Иркутского гос. университета. Ф. 13. Д. 1.
7. Красноштанов Г.Б., Нератова Л.С. Как начиналась деревня Казиминова и как она исчезла // Тальцы. 2002. № 2 (14).
8. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск: ЭКОР, 1995.
9. Красильников С.М. Организация крупных общевойсковых соединений. М., 1933.
10. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1.
11. Краткое расписание сухопутных войск по сведениям к 1 марта 1914 г. СПб., 1914.
12. Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 4.
13. Головин Н. Мысли об устройстве будущей Русской вооруженной силы. Париж, 1925.
14. Драгомиров В. Подготовка русской армии к великой войне // Военный сборник общ-ва ревнителей военных знаний. Белград, 1924. Кн. 5.
15. Смирнов А. Сибирский удар и саксонская сталь. Сравнительная характеристика противников на Восточном фронте // Родина. 2004. № 9.
16. РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1.
17. Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
18. Болонев Ф.Ф., Пыкин В.М. Об участии тарбагатайцев и куналейцев в Первой мировой войне // Болонев Ф.Ф. Пахари и ратники русских волостей Западного Забайкалья в XIX – начале XX века. Новосибирск, 2005.
19. Петрушин Ю.А. Образование и заселение участка Кундуй // Земля Иркутская. 2007. № 1 (32).
20. РГВИА. Ф. 2279. Оп. 1.
21. РГВИА. Ф. 2288. Оп. 1. Д. 196–206.
22. Приказы армиям Юго-Западного фронта. Б.м., 1914.
23. Нелипович С.Г. Россия держала мертвой хваткой своих врагов // Военно-исторический журнал. 2000. № 5.
24. Месснер Е.Э. Судьба русского офицера. СПб., 1997.

Статья представлена научной редакцией «История» 2008 г.